

©2000 г.

Ю.В. АРУТЮНЯН, Л.М. ДРОБИЖЕВА

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ПРОЙДЕННОЕ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

АРУТЮНЯН Юрий Вартанович - член-корреспондент РАН. ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор.

Этносоциология, сформировавшись у нас в 60-е годы, освоила широкое проблемное поле, сочетая исследование социальных и этнических процессов, раскрывая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Много лет назад, знакомя научную общественность с этносоциологическим направлением, мы фиксировали ее задачи: с одной стороны, вскрыть социальную обусловленность, специфику и интенсивность выражения в социальных группах их этнических черт, проявляемых в культуре, быту, языковой жизни, ценностных ориентациях, национальном самосознании, межличностных национальных отношениях и психологии, а с другой, осмыслить национальное многообразие и особенности общих социальных процессов с особым вниманием к проблемам социальных отношений, социальной структуры, межпоколенной и внутривнутрипоколенной мобильности и миграции [1].

Значимость новой дисциплины осознана и за рубежом. Публикуя нашу работу по этносоциологии (1988 г.), американский редактор М. Балзер подчеркивала, что в 60-е годы, когда начинались этносоциологические исследования, у нас, учитывая политическую ситуацию того времени, не просто было даже ставить вопрос о необходимости исследования социально-культурной трансформации наций. Этносоциологические исследования дали возможность, по ее мнению, осознать парадоксальное в традиционном понимании обострение национальных чувств в условиях урбанизации и усиления межнациональных контактов [2].

1960-80-е годы - первый этап развития этносоциологии. Этносоциологические исследования приняли тогда большой размах в республиках Союза ССР. [3]. В этих работах выявлялись этнические особенности общих процессов социально-культурного

развития изучаемых народов. Итогом этапа было сравнительное исследование "Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций" (ОСУ), выполненное этносоциологами Института этнографии АН СССР вначале в рамках Татарии, а затем 5 союзных республик - России, Эстонии, Молдавии, Грузии и Узбекистана, представлявших контрастные этносоциальные регионы - от Прибалтики до Средней Азии. В этом исследовании, выполненном по единой программе [4], раскрывались процессы социальной модернизации общества в национальных вариациях и делались выводы о сходстве и различиях наций, обусловленных историческим прошлым и спецификой их экономического и социально-культурного развития.

Диапазон анализа взаимодействия социальных и этнических процессов был широк. В динамике вскрывались сходства и различия изучаемых народов по важнейшим системообразующим индикаторам - социальной структуре и мобильности, миграции и адаптации к иноэтническим средам, сочетанию своих и инациональных признаков культуры, семейной и бытовой жизни при особом внимании к языкам, как факторам "этнической мобилизации" (М.Н. Губогло) и межличностным национальным отношениям (Л.М. Дробижева), как важнейшим конечным индикаторам, дающим итоговую оценку взаимодействию и развитию изучаемых народов.

Главным методологическим требованием этносоциологии было изучение совокупности взаимосвязанных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности. Особую роль играло осмысление модернизации социальной структуры наций как существенного фактора, влияющего на ход и конкретное проявление этнических процессов. Использовалась реальная структурная дифференциация общества, в которой выделялись группы социально-профессиональных и социально-функциональных ролей. Такой подход придал этносоциологии реальный жизненный характер.

Нельзя сказать, что утвердившаяся отечественная этносоциология развивалась на пустом месте и что за рубежом этносоциальные процессы были вне сферы внимания науки. Права М. Балзер, когда пишет о сходстве нашей этносоциологии с теорией и методологией "западной антропологической и социологической литературы" [5]. Близка к нашим интересам была "ровесница первых отечественных исследований" - книга американцев А. Инкелеса и Д. Смита "о модернизации развивающихся стран" (Аргентина, Чили, Израиль, Нигерия, Индия, Бангладеш) (1973). Но в этой работе объектами были страны, не народы, тем более социально-дифференцированные, - обязательное требование этносоциологии.

Как замечено в зарубежной литературе, политически острый вывод наших этносоциологических исследований заключался в принципиально новой интерпретации понятия "развитие и сближение наций". Этот процесс рассматривался как неизбежный спутник индустриализации и модернизации, не сопровождавшийся, однако, как принято было считать в партийной пропаганде, улучшением межнациональных отношений. В исследованиях по Татарии фиксировались два источника обострения национальных отношений - "народный", связанный с отсталостью и глубиной консервативных ориентации малообразованной части населения, и контрастный по происхождению "интеллигентский", диктуемый межнациональными конкурентными отношениями социально продвинутых групп [6]. Первый этап развития этносоциологии был обозначен анализом противозначных процессов развития наций и осложнения национальных отношений в СССР. Исследования процессов "развития и сближения наций" в регионах Союза вскрывали социальное сходство изучаемых наций, отражаемых в индикаторах социальной структуры и культуры, и независимость этих процессов от имеющих свою логику перемен межнациональных отношений.

В исследовании ОСУ подчеркивалось, что национальное самосознание все заметнее выражается у народов по мере роста их "образования, культуры, расширения диапазона деятельности" и что рост национального самосознания безопасен лишь "при благоприятных социальных и политических условиях" [7]. Было понятно, что никто не гарантирует стране "благоприятных социальных и политических условий" и что такая

благоприятность весьма субъективна и относительна [8]. Время показало опасный эффект гиперболизации национального самосознания, спутником которого стало ухудшение национальных установок, национальных отношений в обществе. "...Обострение политической ситуации и дальнейшее ухудшение экономического положения отразились на межэтнических отношениях и сказываются в повседневном поведении" - фиксировало ОСУ во второй половине 80-х годов [9].

Социально-этническая действительность, наблюдаемая этносоциологами, говорила о необходимости переоценки стереотипа "национального самосознания", идеализированного культа наций и апофеоза "национально-освободительных движений". Важным результатом первого этапа "биографии этносоциологии" было осмысление неоднозначности процессов модернизации современных наций. Суть модернизации - перемещение этнодифференцирующих признаков из области культуры (материальной и духовной), быта и образа жизни в сферу преимущественно национального самосознания. Это явление общее для современных наций. Люди начинают жить все более сходной жизнью, но не чувствуют единства интернациональных интересов, что Ю.В. Бромлей назвал этническим парадоксом. Эта сходная ситуация проявляется по-разному в разных этнических средах. В целом национальное самосознание как этнодифференцирующий фактор компенсирует отчасти убывающие социально-культурные черты этничности, характерной для народов с традиционной культурой. На основе ОСУ моделировались социально-культурное поведение и ориентации двух как бы полярных в этом исследовании наций - эстонцев и узбеков. При их сравнении четко выделялись разные масштабы и орбиты этнических социально-культурных черт народов. Масштаб особенностей был гораздо шире у узбеков, у которых они включали проявления образа жизни, особенно в семейно-бытовой сфере. Была очевидна глубокая культурно-бытовая дифференциация между узбеками и не только эстонцами, но и русскими, проживающими в Узбекистане. В Эстонии культурные особенности эстонцев и русских были мало различимы, но дифференциация была не менее выражена, чем между узбеками и русскими только за счет (и в основном) национального самосознания [10]. Эти результаты отражали неизбежность перемещения в модернизированных нациях этнодифференцирующих факторов в орбиту национального самосознания, социально-психологических установок. Данные ОСУ иллюстрировали, что культурно-бытовое сходство наций может как бы гаситься обостренным национальным самосознанием, установками в политической среде и в сфере межнациональных отношений. В этом проявлялись определенные различия между Эстонией и Узбекистаном, иллюстрирующих принципиальные различия между западом и востоком, Европой и Азией, эпицентрами национальных отношений. Русские легче приобщались к нормам эстонской культуры, что выражалось в образе жизни и в более активном освоении ими эстонского языка по сравнению с узбекским. Приобщаясь к эстонской культуре, овладевая эстонским языком, русские довольно легко "вписывались" в эстонский образ жизни: в этих группах русских была такая же интенсивность социальной мобильности, как среди эстонцев, то есть в значительной мере снимались этнокультурные границы [11].

Подобными эмпирическими данными этносоциология выходила в "большую теорию", где сталкивались концепции природы этносов и наций. Для Л.Н. Гумилева этносы - явление природы, "биологические единицы", "системы, возникающие вследствие некой мутации" [12]. Для В.А. Тишкова этничность наций создается государством; это производная от социальных систем, фигурирующая скорее как лозунг и средство мобилизации [13]. За рубежом к такой интерпретации близки конструктивисты, для которых нации не даны от природы; это новые образования общества, использовавшие для себя в качестве "сырья" культуру, историческое и прошлое наследие [14]. По Ю.В. Бромлею каждая нация - "социально-этническая общность" [15] - имеет свою этнокультуру и по-разному выраженное национальное самосознание, которое, добавим, стимулируется лидирующими социально-культурными и властными группами.

Этносоциологические материалы подтверждают проявления вариативности этнонаций, что ограничивает универсальность теоретических представлений о них. "Советские нации" при относительно сходных исторических судьбах, особенно после-октябрьского времени, и при однотипности социальной структуры продолжали различаться особенностями социально-культурной жизни и выраженностью национального самосознания. Опыт говорит о том, что народы могут варьировать набором и интенсивностью определяющих их социально-культурных черт. С распадом СССР это выразилось в судьбах постсоветских наций.

Общая либерализация в стране, начавшаяся трансформация экономики и социальной сферы существенно расширили влияние этнонационального фактора на различные стороны жизни общества, открыв *новый этап* в развитии этносоциологии, обозначенный переключением исследовательских интересов на проблемы всплеска суверенизации, распада СССР, этнических конфликтов и их последствий. Высокая актуализация этносоциологической проблематики стала первой характерной чертой этого этапа.

В конце 80-х-начале 90-х годов национальные движения в Прибалтике, в Закавказье, на Украине, в Молдавии вначале поставили вопрос о целостности Союза. Затем сепаратизм стал актуальным для России. До принятия Конституции 1993 г. сепаратизм грозил сецессией и стал картой в руках политиков, боровшихся за власть в центре. Этнополитическими проблемами стал заниматься широкий круг обществоведов. Но относительно подготовленными к новой после распада СССР ситуации оказались этносоциологи.

Специфика этносоциологических исследований позволяла на конкретном материале в комплексе рассматривать разные социальные, культурные, психологические стороны жизни народов. Рубежи и перспективы развития наций фиксировались прежде всего их социальной структурой, с чем связаны все стороны жизнедеятельности народов и существенные проявления национальных интересов. Утвердившаяся в прошлом социальная структура постсоветских наций (считавшаяся структурой "социалистического" общества) оказалась малоустойчивой во всем СНГ. В 1990-е годы в этих странах стала складываться принципиально новая социальная структура, заданная новыми отношениями собственности - базовым индикатором, во многом определяющим характер и интенсивность развития наций.

Несмотря на особую значимость проблемы социальной структуры и внимание, которое уделялось ей этносоциологией, теперь среди новой когорты специалистов чаще не исследуется, а только провозглашается, что "этнические общности должны рассматриваться... в тесной связи с такими социальными группами как классы, слои, территориальные общности" или что "социальная стратификация может быть основой межнационального конфликта" [17]. Конкретные исследования требуют времени, материальных затрат, что в наше время трудно реализуемо. Но хорошо, когда теоретические заключения не декларируются, а по возможности анализируются на основе осмысления социальной стратификации наций. В науке это тем значимее, что в нашем обществе глубина и характер социальной дифференциации народов по существу до конца не осознается.

Процесс расслоения общества идет интенсивно, разделяя людей отношениями собственности. Это фиксируется не только распределением их по доходам и власти, но и полярными социально-психологическими оценками ими своего положения в обществе. Такие результаты отражены ОСУ во всех исследуемых национальных регионах. Например, система показателей, отражающих социальное самочувствие населения, оценку людьми экономической и политической ситуации, удовлетворенность жизнью, работой и т.п., - говорит о том, что отрицательные оценки изменений доминируют во всех слоях, кроме "руководителей" и "предпринимателей", олицетворяющих и представляющих формируемый класс капиталистов. Относительно нейтральные в Таллинне оценки "своей жизни" заметно ухудшаются в Москве и далее последовательно в Саратове, Кишиневе, Тбилиси и Ташкенте. В каждом из городов за

пределами России самооценка положения русских значительно ниже, чем у коренного населения. Факт дифференциации результатов исследования по классовым и социальным группам довольно неожидан для нашего сознания: на фоне массового пессимизма выделяются немногочисленные группы предпринимателей, дающих высокие оценки реформ, "изменений на работе" и в своей жизни [18].

Существенной чертой нового этапа этносоциологических исследований стало их сопряжение с этнополитическими: анализ национальных движений, их программ, причин, социальных стимулов, состав участников, изучаемые преимущественно социологическими методами. Во многих томах серии "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве" есть разделы с результатами социологических опросов об уровне поддержки движений, составе их участников. В работах, посвященных общеполитическому анализу ситуаций в республиках, как правило, помещались разделы с результатами исследований по проблемам национальной консолидации, межэтническим взаимодействиям, отношению этнических общностей к политическим процессам.

Наиболее острой проблемой оставалась суверенизация республик. Для политологов это вопрос поиска принципов государственного устройства в полиэтнической стране, сепаратизма, для этносоциологов - раскрытие причин этнической мобилизации, мотивации национальных интересов, межэтнических напряжений. Отношение к суверенизации республик изучалось в специальных проектах в связи с изучением межнациональных отношений [19]. Тогда шли острые дискуссии вокруг того, могут ли быть республики (государства) - так фиксировала Конституция РФ 1993 г. - суверенными, или суверенитетом обладает Российская Федерация в целом. Сторонники первой точки зрения стояли на позиции возможности разделенного суверенитета (впоследствии концепция кооперативного федерализма); сторонники второй придерживались позиции невозможности существования государств внутри Российской Федерации и считали фиксацию республик как государств в Конституции ошибочным компромиссом. Но суть была не в формулировках, а в распределении властных полномочий: кто и в какой мере должен распоряжаться ресурсами. Лидеры в центре и в субъектах федерации апеллировали к общественному мнению. И этносоциологи стали изучать мнение русских и титульных национальностей республик о том, кто должен распоряжаться природными ресурсами: республика, область, федеральное правительство, или все они вместе; в чьем ведении должны находиться силовые структуры; какое развитие республик предпочтительно - как автономий в составе Российской Федерации, суверенных республик в России или независимых государств; какие меры применять к республике, заявляющей о выходе из Федерации.

Опросы в республиках показывали, что даже там, где громче всего заявляли о суверенитете, население и, прежде всего, конечно, титульные национальности поддерживали чаще идеи суверенитета внутри Российской Федерации, но не независимости. Речь идет о Татарстане, Саха (Якутия), Туве - республиках, конституции которых расходились с Федеральной по вопросам приоритета законов, праве распоряжения ресурсами, выхода из состава Федерации (Конституция Республики Тыва). В этих республиках в 1994 г. свыше 40% среди титульных национальностей поддерживали идею суверенитета республик, и более 20% (в Татарстане около 40%) считали желательным суверенитет с правом выхода.

В 1997 г. в Саха (Якутия) суверенитет республики поддерживался 78%, а в Татарстане 55%. Не менее 20% высказывались за независимость в перспективе (независимость не всегда означает сецессию, а может означать объединение на основе конфедерации). Однако идеи отделения нигде, за исключением Чеченской республики, не имели массовой поддержки [20]. Об этом свидетельствовало и падение авторитета радикальных националистических партий, таких, например, как "Иттифак" в Татарстане (0,8% поддержки на октябрь 1999 г.) [21]. Между тем экономическая самостоятельность субъектов федерации - желание не только титульных национальностей (до 60% и более по опросам 1994 г. и 1997 г.), но и части русских в этих

республиках (35—40%), хотя большинство русских считают, что ресурсы должны быть в пользовании республик и Федерации [22]. Этносоциологи первыми заговорили о складывании этнорегионализма в стране [23]. При падении легитимности центра, кризисе стремление к выживанию, внутрорегиональной ориентации становилось единственным выходом.

Анализ ситуации в стране на основе опросов, контент-анализ прессы и законодательных актов позволил социологически рассмотреть дискутируемые в политологии и этнологии проблемы национализма, понимаемого как стремление народов к достижению возможно полной самостоятельности (автономия, разделенный суверенитет, полный суверенитет). Проведенные исследования дали основание выделить на постсоветском пространстве разные типы этнонационализма от классических вариантов до *паритетного национализма*, предполагающего передачу части полномочий Центру и признающего культурный плюрализм (Татарстан после 1993 г.), *экономического национализма* (Башкортостан, Саха (Якутия)), наконец, *защитного*, оборонительного национализма (Северная Осетия (Алания), Ингушетия). Выделение типов национализма давало основание противопоставить агрессивный, воинствующий национализм другим его проявлениям и использовать вариативную политику государства применительно к республикам с разной политикой по отношению к центру и этническим группам на их территории. Несоответствие декларациям национализма его реальной политики и практики делает весьма необходимым анализ его сути и соответствия принципам демократии. Сделать это невозможно без конкретных исследований, показывающих, как реагируют общество, социальные и этнические группы, как чувствует* себя человек в ситуации реализации типов и форм самоопределения нации, народа.

Политический дискурс и законодательная практика меняются. Это касается законов о государственных языках, гражданстве, форме паспортов, политики в сфере образования, что вызывает реакцию и русских и титульных национальностей республик. Важно вовремя уловить столкновение интересов этнических групп, иначе социологам приходится анализировать конфликтные ситуации. Межнациональные конфликты - актуальнейшая междисциплинарная проблема. Этносоциологи внесли свою лепту в понимание причин и природу конфликтов. Часто в конфликтных ситуациях политики и научное сообщество видели только антисоветские или анти-московские настроения. Они, конечно, имели место. Но в Эстонии, Литве, Грузии, в Башкортостане, Татарстане или Туве конфронтация по конкретному поводу воспринималась через этнические чувства, и мобилизация осуществлялась как этническая мобилизация. Этносоциологи должны были принять понимание этнического конфликта как формы "гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий" [24].

В чистом виде этнических конфликтов быть не может. Конфликт между этническими группами, общностями происходит не из-за этнокультурных различий, не потому, что арабы и евреи, армяне и азербайджанцы, чеченцы и русские несовместимы, а потому что в конфликтах обнажаются противоречия (но не просто различия) между общностями людей, консолидированными на этнической основе. Отсюда трактовка (А.Г. Здравомыслов) межнациональных конфликтов как конфликтов, "которые так или иначе включают в себя национально-этническую мотивацию" [25]. Поэтому национальные движения в Прибалтике, Молдове, Татарстане и на Северном Кавказе мы рассматриваем как форму межнациональных конфликтов. Конфликты могут быть этнополитическими, межгрупповыми, но если в ходе их осуществляется мобилизация хотя бы части народа (редко - всего этноса), они становятся предметом изучения этносоциологов.

В мировой конфликтологии нет единого концептуального подхода к причинам межэтнических конфликтов. Исследователи, работающие в парадигме коллективных действий, концентрируются на ответственности элит, борющихся с помощью

мобилизации вокруг выдвигаемых ими идей за власть, ресурсы. Есть подходы, сосредотачивающиеся на поведенческих механизмах, фрустрациях, связанных с опасениями за судьбу группы, не только за потерю культурного своеобразия, но и за использование собственности, ресурсов и возникающей в связи с этим агрессией. Большой вклад в понимание причин конфликтов может быть внесен анализом социально-структурных изменений контактирующих этнических групп, проблем их неравенства в статусе, престиже, вознаграждении. Эта традиция идет от Т. Парсонса (структурный функционализм), В. Ньюмана, С. Хантингтона, а в отечественной — от этносоциологии 70-80-х годов. С самого начала своего развития она уделяла социально-структурным изменениям контактирующих этнических групп основное внимание. На рубеже 70-80-х годов нами были сделаны выводы о таких социально-структурных изменениях у народов, которые требовали новых решений в распределении власти. Однако политические структуры оказались неспособными адаптироваться к новым условиям межэтнических взаимодействий. То, что было характерно для многих союзных республик в 70-е годы, к концу 80-х повторилось в российских автономиях. Из 21 российской республики в 11 титульная национальность имела такую же или почти такую же, как у русских, долю специалистов с высшим образованием, а среди бурят, якутов, калмыков даже большую. Однако изменений в управлении, полномочиях республик не было. Социально-структурные изменения не единственная причина конфликтности, однако в полиэтнических регионах в ситуациях конкуренции за дефицитные места, возрастания запросов мобильных групп, с потенциалом социально-политических претензий межэтнические отношения осложнялись: Эстония, Грузия в СССР; Саха (Якутия), Татарстан, Тува, Дагестан в РФ [26].

Проблема лидеров, элиты в конфликтах не могла не привлечь внимания этносоциологов. Не только для понимания, в какой мере элитные группы ответственны за эскалацию конфликтов и какова роль каждой из них на конкретном этапе, но и в силу этнических особенностей восприятия лидеров (и элиты в целом) у разных народов. В более модернизированных обществах влиянием пользовались интеллектуалы с профессиональной подготовкой, в традиционных - имела значение "родовитость", принадлежность к улусу, тейпу, смелость "на людях", героизация образа лидера в прошлом. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны, хотя этого явно недостаточно [27]. Очевидно, элиты прежде всего ответственны за создание идеологии мира или вражды, "образа врага", представлений о совместимости или несовместимости ценностей этнических групп, их заинтересованности во взаимодействии или изоляционизме. В ситуациях конфликта или напряженности создаются представления о чертах народов, препятствующих общению: "наследуемой воинственности" чеченцев, "лености" или "мессианстве" русских, иерархичности народов, с которыми можно или нельзя "иметь дело".

Широко обсуждалась в последнее время концепция "столкновения цивилизаций" С. Хантингтона. Конфликты сейчас и в будущем она объясняет неспособностью жить в мире "соприкасающихся цивилизаций", связанных с мировыми религиями. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах будто бы не находят отклика идеи западной цивилизации: индивидуализм, либерализм, права человека, конституционализм, равенство, свобода, законность, демократия, рынок, отделение церкви от государства и т.п. [28].

По Хантингтону, **современные** общества ориентированы на социальную мобильность, на достижение; развитую систему профессий; на стратификацию, основанную на достигнутых статусах; **традиционные** характеризуются стабильной структурой, иерархией, основанной не на достижении, а на сословной или кастовой принадлежности, предписании, в результате в партнерских отношениях на первый план выступают члены семьи, рода, общины. Эти характеристики на Западе и у нас рассматривались как индикаторы развития. Но отечественная наука традиции не приписывала такой жесткости, как концепция Хантингтона. И она подверглась критике. Модернизация в модели Хантингтона этноцентрична. Это попытка пред-

ставить роль США как сверхдержавы, модели, к которой должны стремиться все. Что касается религии в столкновениях цивилизаций, мы знаем немало примеров, ставящих под сомнения этот вывод. Ольстер — это конфликт между католиками и протестантами, относимыми Хантингтоном к "западной" цивилизации. В Приднестровье в конфликт вовлечены православные молдаване и православные же русские и украинцы, в Ошском конфликте участвовали мусульмане - сунниты узбеки и киргизы. Примеры можно продолжить. Тем не менее, представления о несовместимости "цивилизаций", культур существуют и служат основанием оправдания или объяснения конфронтаций этнических групп. Проблема требует исследования. Для социологов проблема культурной дистанции сопряжена с изучением более четко очерчиваемой и изучаемой с помощью проверенных индикаторов социальной дистанции контактирующих групп. Здесь стали появляться исследования этносоциологов и этнопсихологов.

Известна теория этнической границы, понимаемой как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция в контексте межэтнических отношений. Об этнокультурной границе писали в отечественной науке П.И. Кушнер и М.М. Бахтин. В мировой науке широко известны работы норвежского ученого Ф. Барта [29]. По Барту, этническая граница определяет группу. Первично значимы культурные характеристики, которым группа придает значение маркера. Эти маркеры могут быть единичными или представлять набор, систему. И значение, и набор маркеров могут меняться. Изучение этнопсихологами культурной различительности на личностном уровне расширено этносоциологами [30]. Опыт этносоциологических исследований в предперестроечное десятилетие и в 90-е годы позволил предположить, что разграничителем могут становиться политические представления-маркеры, вокруг которых концентрируется этническая солидарность, более массовая и мощная, чем та, которая обеспечивается культурными символами. Были основания предположить, что этническими маркерами могут стать ценности, сформировавшиеся не только на культурной основе, например, демографическое воспроизводство народа, его экологическая безопасность, социальное неравенство.

Изучение проблем этнических границ на материале Татарстана, Саха (Якутии), Магаданской и Оренбургской областей с привлечением данных по Туве показало, что такими границами выступают не только этнокультурные маркеры (язык титульной национальности в республиках, знание или незнание которого влияет на социальную мобильность, карьеру людей). Разграничителем становится доступ к власти [31]. В вопросе "Что нужно для возрождения Вашего народа?" почти 70% городских русских в Татарстане в 1997 г. выбрали "представительство интересов моего народа в руководящих органах власти республики, области". Среди татар эту позицию выбрали вдвое меньше респондентов [32]. Та же тенденция обнаруживалась в других республиках. И это понятно - в органах власти республик титульные национальности уже доминируют. Для них важно представительство их интересов в Центре. При том, что в ценностях, ориентациях, скажем татар и русских, больше общего, чем различающегося, и прогноз Хантингтона о столкновении цивилизаций примером этих народов не подтвержден, участие во власти разграничивает общности.

Представления об общих интересах, консолидирующих и разграничивающих этнические группы факторах, - область изучения идентичности и межэтнических отношений. Она и до "перестройки" была предметом этносоциологии. Однако распад Союза, межэтнические конфликты ее существенно актуализировали. Национальные движения, взрыв этнических чувств, идеологическое оформление политических, экономических, культурных и экологических интересов народов дали основание обсуждать проблему "национального возрождения" народов. Одни называли актуализацию этничности "пожаром в умах" и считали, что социализм создал прекрасный материал для сепаратизма, вложив ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств. СССР выглядел здесь более пристойно, не считая сталинских депортаций и антисемитизма [33]. Другие сомневались, надо ли это явление называть возрождением. И в советскую эпоху немало сделано для развития культуры народов. Идеологи

национальных движений, в том числе русских, под возрождением народов имели в виду не только возвращение в действующий фонд идеологически табуированной в советское время культуры, но и возможность плюрализма политических движений, партий, свободы обсуждения планов экономического развития народов. Задачей этносоциологов в этой ситуации было адекватно отразить происходящее в умонастроениях и ориентациях людей разных национальностей соотношением высказываний идеологов с установками элит и масс. Важным было доказать на конкретном материале, что при несомненном сходстве в мотивации, содержании представлений, потребностях, осознаваемых в этнических общностях, у них существенно отличны взгляды, интересы, готовность действовать, с чем должны считаться политики, управленцы.

Интереснейшие работы выполнены по материалам ВЦИОМ 1990-1993 гг. об этнической идентичности русских. Л.Д. Гудков показал нарастание депрессивно-астенических состояний у русских в связи с распадом Союза, чувством исторического поражения и невысокий потенциал позитивных эмоций в сравнении с латышами, литовцами, украинцами, казаками [34]. Уровень этнического негативизма (соотношение долей респондентов, "позитивно" и "негативно" относящихся к конкретной этнической группе) не был тогда высок. Максимальные негативные установки не превышали 19-23%. Впоследствии их значения поднимались в 2—2,5 раза. Естественно было ожидать пика кризисных проявлений в самосознании русских в республиках РФ: здесь они пережили распад Союза и падение своего статуса в республиках. Изучение идентичности русских в республиках со сложной этнополитической ситуацией (Татарстан, Саха (Якутия), Тува, Северная Осетия) в 1994, 1997, 1998 гг. показало, что при растущем этническом негативизме прежде всего к выходцам с Кавказа радикальный национализм не получил распространения, но готовность к этнической мобилизации даже в радикальных вариантах стала существенной. Доля считающих, "что все средства хороши для защиты интересов моего народа", выросла до 25% в республиках и не меньше в областях - Магаданской, Оренбургской. Индикатор солидарности (согласие с позицией "я никогда не забываю, что я — русский человек") вырос с 20% в 1994 г. до 39-44% в 1997 г. Распространение до 70% находили этнозащитные настроения: "Даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства" [35]. Они, естественно, нашли отражение после начала военных операций в 1999 г. на Северном Кавказе. Действия федеральных сил до "победного конца" поддерживало в ноябре 1999 г. 37% респондентов, а создание "зоны безопасности" (остановиться на занятых позициях) - 32%.

Как выразится травмированное самосознание русских, будет ли это аполитичность, настроения отщепенца, поиски врага или интенсивная деятельность по новому самовыражению и сохранению материального и духовного потенциала? От каких обстоятельств зависит конкретная тенденция? Материалы исследований не дают оснований полагать, что решающей будет реакция на этнический вызов. Национальные движения в республиках с 1993-1994 гг. пошли на убыль, руководство республик ориентировано на кооперативный федерализм. Опаснее общая нестабильность в стране, нелегитимность центральной власти, отчаяние от экономического неблагополучия, смена статуса, что стимулирует поиск виновных, потребность в восстановлении достоинства. Это также сфера для этносоциологов.

В 90-е годы проведено немало исследований межэтнических отношений в республиках, областях, городах. Новым в них был объект - не только русские и титульные национальности республик, но и диаспоры. В содержательном плане выросло внимание к политическим факторам отношений групп. В рамках статьи невозможно представить результаты этих исследований, но отметим интересные данные и выводы на теоретические проблемы: национализм, соотношение национализма и демократии, эффективность подходов к решению этнонациональных проблем в многосоставных обществах, приоритетность прав человека и прав народа, причины старых и новых фобий и др. Решение этих проблем требует специальных исследований. Проблемы эти

лежат на перекрестке предметных областей социологии, этнологии, политологии, психологии. Эти дисциплины демонстрируют сближение интересов в сфере межэтнических взаимодействий. На стыке предметных областей выявляются проблемы, отражающие жизнь современного общества, требующие нового угла зрения на реальность наших дней. Появляются отличающиеся трактовки предметной области и состояния этносоциологии [36]. Важно, чтобы обсуждение не свелось к теоретизированию, а шло в рамках социологической теории, обобщая проведенные исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М. Этносоциологические исследования // Социол. исслед. 1981. № 1. С. 64; Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты. М., 1984.
2. Ethnoscology. N.Y. 1988. P. 5-6.
3. Социальное и национальное. М., 1973; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллинн, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавии). М., 1980; Социально-культурный облик советских наций. М., 1986; Население Еревана. Ереван, 1986; *Бойко В.И.* Опыт социологического исследования проблем народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1973; *Бондарчик В.К., Иванов В.Н., Браин И.Н., Белягина В.Н.* Изменение в быту и культуре городского населения Белоруссии. Минск, 1976; *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа. Ленинград, 1977; *Губогло М.Н.* Развитие двуязычий в Молдавской ССР. Кишинев, 1979; *Старовойтова Г.В.* Этнические меньшинства в большом городе. Ленинград, 1979; *Дробижеева Л.М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологические очерки межнациональных отношений. М., 1981 и др. Общую характеристику исследования см.: Социол. исслед. 1981. № 1. С. 60—71.
4. Арутюнян Ю.В. Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций (Программа этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1972. № 1. С. 3-18.
5. Ethnoscology. P. 6.
6. Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование межнациональных отношений // Вопросы философии. 1969. № 12. С. 129-139; Социальное и национальное; *Дробижеева Л.М.* Духовная общность...; и др.
7. Социально-культурный облик советских наций (Автор программы и руководитель Арутюнян Ю.В.). М., 1986.
8. *Дробижеева Л.М.* О национальных отношениях в советском обществе // Нации и культура. М., 1987. С. 62.
9. Русские. Этносоциологические очерки (Автор программы и руководитель исследования Арутюнян Ю.В.). М., 1992. С. 423.
10. Социально-культурный облик советских наций. С. 419-434.
11. Русские. С. 448.
12. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера. Ленинград, 1989. С. 169.
13. *Тишков В.А.* Очерки теории этноса и политики этничности в России. М., 1997. С. 72; *он же.* О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. 33. С. 30-37.
14. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 49, 114, 115.
15. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 14.
16. Разнообразие и объем этой литературы в рамках нашей статьи позволяют лишь частично упомянуть ее в последующих ссылках.
17. *Мнацаканян М.О.* Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998. С. 16.
18. *Сикевич З.В.* Этнический фактор в политических процессах современной России. СПб., 1996. С. 23.
19. Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации. 1993-1995 гг. Сектор социально-психологических проблем национальных отношений ИЭА РАН; Язык, национальность и бывший Советский Союз. 1993-1994. Центр по изучению межнац. отношений ИЭА РАН.
20. Социология межнациональных отношений в цифрах. М.: Центр социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН, 1996.
21. *Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма. М., 1996. С. 97, 98; Развитие политического процесса и электоральные настроения в республике Татарстан. Информационно-аналитический вестник. Казань, октябрь 1999 г. С. 47.
22. Асимметричная Федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998. С. 189, 196.

23. Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Указ. соч.; Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998.
24. Тишков В.А. Очерки теории... С. 358.
25. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С. 6.
26. Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992; Дробижеева Л.М. Повторит ли Россия путь Союза / Россия сегодня: Трудные поиски свободы. М., 1993. С. 180-202; На пороге кризиса. М., 1990. Гл. II, IV и др.
27. Тишков В.А. Очерки теории... Ч. II, Ч. III; Дробижеева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства / Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994; Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижеевой. М., 1996.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 43; Huntington S. The Change to Change / Comparative Politics in Post-Behavioral Era. Ed. by H. Cantor and F. Zieger. Boulder, 1988.
29. Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель. М., 1974; Бахтин М.М. Вопросы литературы и этики. М., 1975. С. 25; Ethnic Groups and Boundaries / Social Organization of Culture Differences. F. Barth, ed. Bergen; L., 1969.
30. Лебедева Н. Роль культурной дистанции в формировании новых идентичностей // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
31. Дробижеева Л.М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
32. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 46-47.
33. Тишков В.А. Феномен сепаратизма // Независимая газета, 28 июля 1999 г. С. 8.
34. Гудков Л.Д. Русское национальное самосознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия. М., 1994. С. 177-178.
35. Социальные и этнические границы. Опыт многонациональной России. Заключение. Рук. проекта и отв. ред.. Дробижеева Л.М. С. 367, 371.
36. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. Социология межнациональных отношений. Отв. ред. Иванов В.Н. М., 1996. Сикевич З.В. Социология и психология межнациональных отношений. СПб., 1999; Перепелкин Л.С., Соколовский С.В. Этническая социология. М., 1995.